

УДК 903

Ю.Б. Сериков, О.Н. Корочкова, С.В. Кузьминых, В.И. Стефанов

ШАЙТАНСКОЕ ОЗЕРО II: НОВЫЕ СЮЖЕТЫ В ИЗУЧЕНИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА УРАЛА*

Статья вводит в научный оборот материалы культового памятника Шайтанское Озеро II, открытого в Свердловской обл. В двух заложённых здесь раскопах площадью менее 100 м² обнаружено более 130 бронзовых предметов: орудия и оружие, украшения из листовой меди, а также многочисленные отходы плавки и литья. Помимо изделий сейминско-турбинского (кельты и пластинчатые ножи) и евразийского (кинжалы с отлитыми рукоятями, ножи с перекрестьем и перехватом, желобчатые браслеты и кольца) типов, в коллекции имеется серия предметов, выполненных в традициях самусьско-кижировской металлообработки. Бронзовые изделия вместе с каменными ножами, скребками и многочисленными наконечниками стрел сопровождала керамика коптяковского типа. Основу металлической коллекции составляют оловянные бронзы. Памятник в какой-то мере проясняет судьбы сейминско-турбинских традиций металлообработки, которые в этой зоне имели более длительную историю развития и не закончились с периодом стремительных миграций сейминско-турбинских популяций. Он также объясняет источники попадания в среду носителей алакульской культуры изделий постсейминского облика, которые могут быть связаны с функционированием на Среднем Урале крупного металлообрабатывающего центра.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Урал, сейминско-турбинский феномен, самусьско-кижировская металлообработка, коптяковская культура, культовое место.

Введение

Одной из главных и, может быть, самых ярких примет наступления позднего бронзового века на территории к востоку и западу от Урала является характерный по технологии изготовления, морфологическим признакам и рецептуре сплавов металлический инвентарь сейминско-турбинского типа. Большинство сейминско-турбинских бронз было обнаружено на крупных некрополях (Преображенка-6, Ростовка, Сатыга, Турбино, Усть-Ветлуга, Сейма и Решное), в малых и условных могильниках (Верхняя Мульга, Елунино I, Цыганкова Сопка, Сопка-2, Бор-Лёнва, Усть-Гайва, Мурзиха-1, Соколовка, Никольское, Хангасканкаала близ Оулу в Финляндии др.) и памятниках сакрального или культового назначения (Канинская пещера, Галичский «клад») в

лесостепных и таежных областях Западно-Сибирской и Русской равнин (рис. 1). В степной полосе Южного Урала в это же время широко распространяются памятники носителей абашевских и синташтинских культурных традиций, чья металлообработка базировалась на морфолого-технологических стандартах Циркумпонтийской металлургической провинции раннего и среднего этапов бронзового века [Черных и др., 2002].

Не находит удовлетворительного объяснения исключительная редкость изделий сейминско-турбинского типа в Среднем Зауралье и прилегающих районах Западной Сибири. По этой причине механизмы включения горно-лесных и таежных культур Уральского региона в систему позднебронзовой Евразийской металлургической провинции остаются непонятными. Положение усугубляется тем, что в лесном Зауралье не выявлены археологические образования, которые могли бы убедительно синхронизироваться с абашевско-синташтинскими и сейминско-турбинскими

*Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ, проекты № 06-01-00037а, 08-01-00073а и 08-06-00136а.

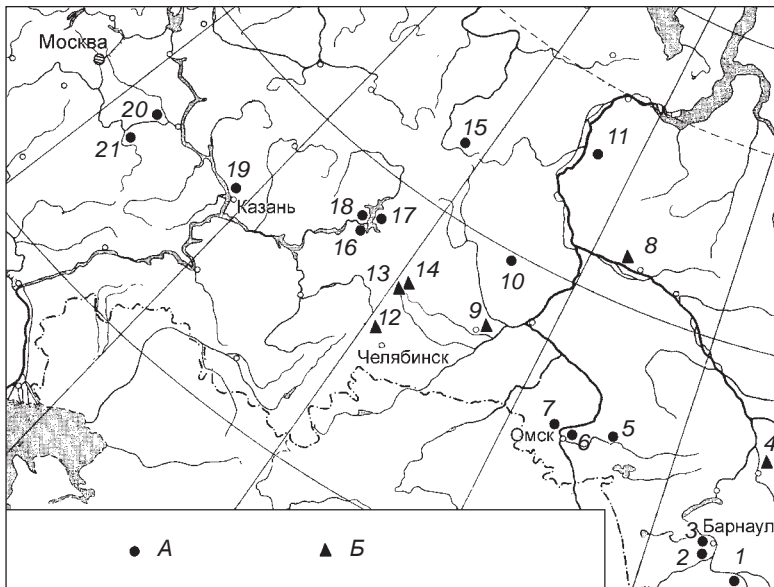

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников сейминско-турбинского (А) и самусьско-кижировского (Б) типов.

1 – Березовая Лука; 2 – Цыганкова Сопка; 3 – Елунино; 4 – Самусь IV; 5 – Сопка-2; 6 – Ростовка; 7 – Черноозерье VI; 8 – Сайгатино VI; 9 – Андреевское Озеро; 10 – Сатыга XVI; 11 – Товкуртлор-3; 12 – Аргази; 13 – Палатки I; 14 – Шайтанское Озеро II; 15 – Канинская пещера; 16 – Турбино; 17 – Бор-Ленва; 18 – Усть-Гайва; 19 – Усть-Ветлужский (Юринский); 20 – Сейминский; 21 – Решное.

древностями и, таким образом, номинироваться на статус культур начала бронзового века. Материалы, в основном керамические, карасьеозерского [Чаиркина, 2005, с. 195, 297] и елизаветинского [Панина, 2004] типов в силу малочисленности и отсутствия надежных стратиграфических данных в качестве таковых могут приниматься во внимание с изрядными допущениями. Заметим, что до сих пор не установлено, когда началось освоение многочисленных на Среднем Урале меднорудных месторождений.

Отсутствие культурных и хронологических реперов характерно и для постсейминского периода, вплоть до времени формирования на Урале андронидной черкаскульской культуры. По сути, единственным образованием, заполняющим эту лакуну, является коптяковская культура, выделенная в 1960-е гг. К.В. Сальниковым [1964, с. 7–10]. Долгое время она рассматривалась как маломощное объединение местного горно-лесного населения, испытавшего определенное воздействие со стороны южных соседей. Ввиду того, что источниковый фонд данной культуры формировался медленно и бессистемно, ее содержательные характеристики не отличались конкретностью и полнотой. Seriously изменили взгляд на коптяковскую культуру результаты раскопок памятника Палатки I под Екатеринбургом [Викторова, 1999, 2001].

На площади этого многослойного памятника, чрезвычайно насыщенной археологическими остатками,

исследованы несколько погребений и жилище коптяковской культуры. Коптяковскому комплексу принадлежат изделия из бронзы, в т.ч. обломок кельта и нож-кинжал, орнаментированные в характерном самусьско-кижировском стиле, а также обломок формы для отливки аналогичного кинжала [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 65, 6; 79, 7; Викторова, 2001, рис. 5, 11; Кузьминых, 2001]. Кроме того, к нему относятся каменный инвентарь и представительная серия керамики, которая существенно дополнила впечатление о коптяковской посуде, сложившееся по работам К.В. Сальникова, М.Ф. Косарева, Л.П. Хлобыстина. Если раньше она воспринималась как посуда постаятского облика с более или менее выраженными признаками гончарства культур андроновского мира (прежде всего алакульской и отчасти федоровской), то теперь в ее составе выделена группа сосудов, украшенных в специфической желобчатой и прочерченной манере, которая соотносится с местной, уральской, керамической традицией [Викторова, 2001].

Уточнение облика керамики коптяковского типа позволило атрибутировать подобные материалы из других мест Урала и Западной Сибири [Денисов, Мельничук, 1991; Стефанов, Корочкова, 2000; Зах, Скочина, 2006] и наметить ареал культуры: в широтном направлении она простиралась от Среднего Прикамья до Нижнего Притоболья, в меридиональном – от Нижнего Тагила до Кыштымского озерного края. Ядро культуры, судя по концентрации памятников, локализовалось в Среднем Зауралье. Однако, несмотря на обнаружение ярких бронзовых предметов и литейных форм на памятнике Палатки I и относительно активное исследование коптяковских древностей в Тюменском Притоболье [Зах, Иванов, 2006; Зах, Скочина, 2006; Скочина, 2007], положение памятников коптяковского типа в иерархии культур и общностей позднего бронзового века остается не вполне определенным.

Шайтанское Озеро II: характеристика памятника и инвентаря

Наши представления о начале позднебронзовой эпохи в горно-лесном Зауралье буквально были перевернуты открытиями последних лет, сделанными Ю.Б. Сериковым на берегах Шайтанского озера (Кировградский р-н Свердловской обл.; рис. 2). В двух заложен-

ных здесь раскопах площадью менее 100 м² обнаружено более 130 бронзовых предметов. Среди них – орудия и оружие: шесть целых и два фрагментированных кельта, 15 ножей и кинжалов, пять ножей-скобелей, два втульчатых чекана, две ажурные рукояти (по мнению С.В. Кузьминых, это модели рукоятей кинжалов), кованое долотце, крюки, около десятка шильев, проколов, миниатюрных стамесок, обломки ножей, кельтов и копий (15 ед.), модель наконечника копья и др.; украшения, сделанные в основном из листовой меди (желобчатые браслеты, в т.ч. со спиралевидными окончаниями, целые и фрагментированные височные кольца), а также отходы плавки и литья. Бронзовые изделия вместе с каменными ножками, скребками и многочисленными наконечниками стрел сопровождала керамика коптяковского типа.

Высокая степень концентрации бронзовых и каменных предметов на ограниченной площади – показатель неординарности открытого памятника. Он расположен на одном из мысов западного берега водоема, на высоте ок. 1,5–2,0 м от уреза воды (рис. 2). Озеро небольшое (площадь зеркала 1,48 км²), мелководное, проточное; берега низкие, большей частью заболоченные, лишь местами к воде подступают лесистые склоны невысоких гор. Интересующие нас находки – из раскопок 2006 г. (площадь 52 м²) и 2007 г. (44 м²), заложенных на юго-восточной окраине мыса. Недалеко от них, в 50 м к юго-западу, высится причудливое нагромождение гранитных глыб. На Урале их называют «каменными палатками». В 2007 г. Ю.Б. Сериков проводил в этом месте раскопки, которые показали, что данный объект – святилище Южный Шихан – наиболее интенсивно использовался в раннем железном веке, но какие-либо бесспорные артефакты бронзового века здесь не обнаружены. Подобные гранитные скалы – типичный элемент среднеуральских ландшафтов; в ряде случаев они вписаны в пространство и контекст древних памятников, однако связь Южного Шихана с объектами Шайтанского Озера II достоверно не установлена.

Предметы залегали на небольшой глубине (10–45 см) в толще легкого светло-коричневого суглинка по одному, парами или в виде больших и малых скоплений. Самое крупное скопление, выявленное в раскопе 2006 г., занимало площадь 7 м². Его ядро составляла компактная группа из трех бронзовых ножей, двух прорезных рукоятей, сломанного кельта, двух

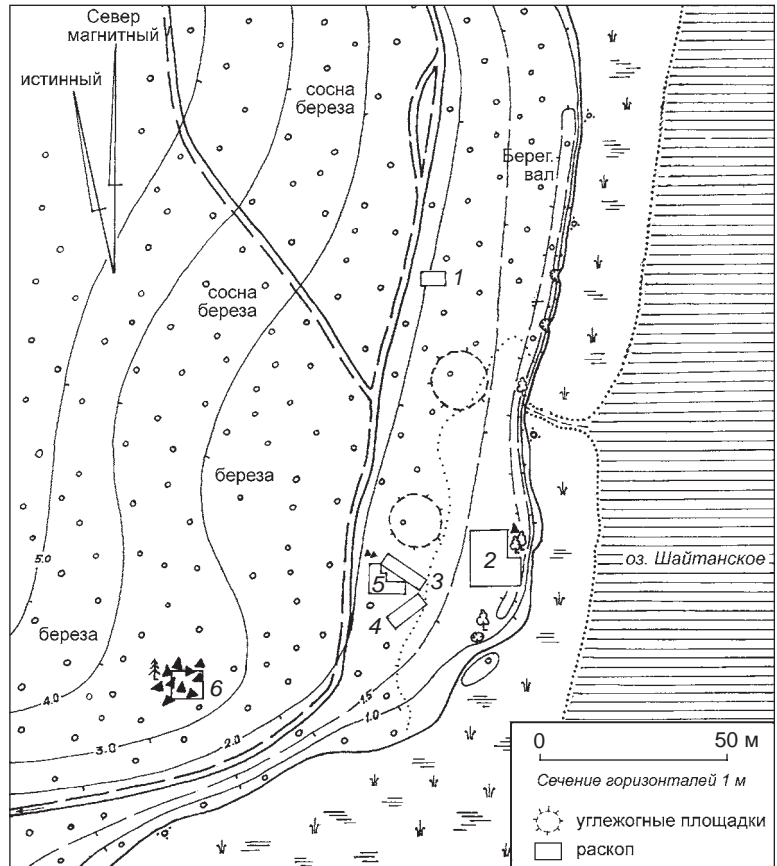

Рис. 2. План памятника. Шайтанское Озеро II.
1 – раскоп 1998 г.; 2 – 2004–2005 гг.; 3 – 2006 г.; 4 – 2007 г.; 5 – 2008 г.;
6 – Южный Шихан.

фрагментов пера копий, крюка, двух четырехгранных острий, обломков желобчатых браслетов. В 1,2–2,0 м к северо-востоку и востоку от этого комплекса найдено еще четыре бронзовых ножа. Между этими находками – много отходов литейного производства и мелких обломков изделий (лом ?), в т.ч. кельтов, крюков, желобчатых браслетов, а также ок. 70 каменных наконечников стрел треугольной формы.

К востоку от данного скопления располагался комплекс, состоявший из миниатюрного кельта, ножа, шести каменных наконечников стрел и наконечника дротика, разломанного на две части. Еще одно малое скопление находилось к северо-западу от большого и включало кельт, втульчатый чекан и модель наконечника копья. Недалеко от них зафиксирован вертикально воткнутый нож-кинжал. На расстоянии до 1,2–1,5 м от бронзовых предметов малого скопления обнаружено 18 наконечников стрел. Особого внимания заслуживает комплект-«матрешка» из трех предметов: воткнутого в землю кельта, чекана в нем и крюка во втулке чекана.

В раскопе 2007 г., находившемся в 1–10 м к югу от предыдущего (рис. 2, 3), под дерном и рыхлым грун-

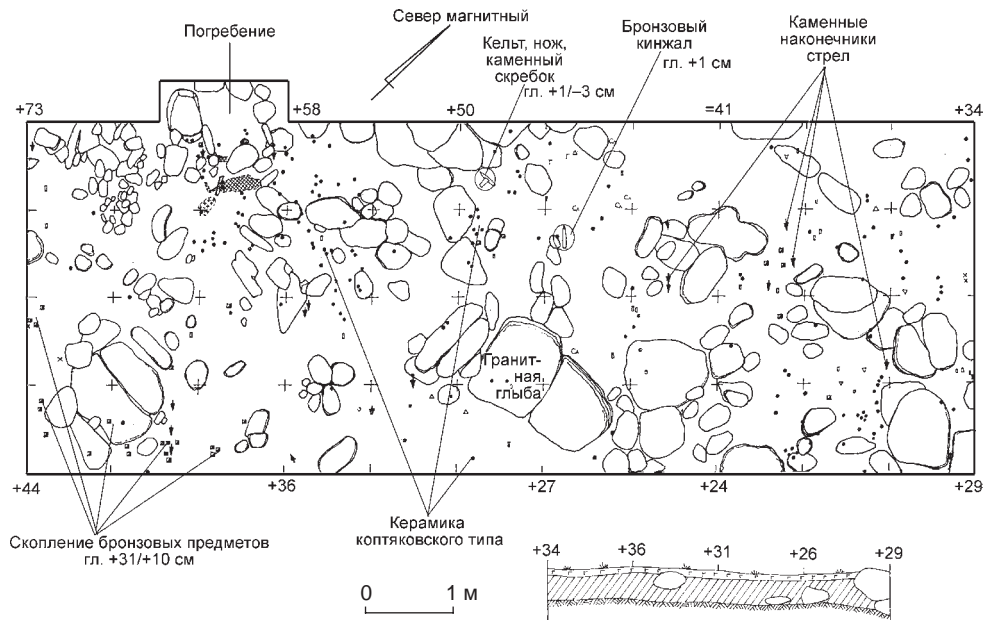

Рис. 3. План и профиль северо-восточной стенки раскопа 2007 г. Шайтанское Озеро II.

том залежали многочисленные гранитные отделности естественного происхождения. В одном месте из камней была сложена оградка-ящик размерами 0,8×0,4 м, ориентированная по оси З–В. Рядом с ней обнаружены два каменных наконечника стрелы, бронзовые пластина и обломок браслета, кусочки охры и фрагменты четырех сосудов коптяковского типа. В оградке у восточной стенки в тонкой углистой прослойке был найден миниатюрный сосудик с округлым дном, зафиксированы остатки костного тлена и мелкие кальцинированные косточки черепа младенца. Основная масса находок залежала в грунте между глыбами и валунами; обнаруженные предметы и здесь образовывали своеобразные скопления. Одно из них, приуроченное к южному углу раскопа, включало многочисленные отходы бронзолитейного производства (капли, сплески), целый желобчатый браслет и фрагменты таких изделий, подвеску, сделанную из желобчатого украшения, два ножа-скобеля, обломки четырехгранного остря, двух ножей и кельта, а также четыре каменных наконечника стрелы. В случае продолжения раскопок вблизи этого места перечень предметов данного скопления наверняка пополнится.

Другое скопление локализовалось в 4 м к северу от вышеописанного. Кельт со сломанным лезвием налегал на острие пластинчатого ножа, между ними лежали массивный скребок из пятнистого (желто-красно-черного) полупрозрачного халцедона и отщеп из халцедона без следов ретуши, по форме напоминающий фигурку животного. В 0,8 м к востоку от этого комплекта расчищен бронзовый кинжал (длина изделия 33 см), лежавший плашмя острием на юго-восток,

т.е. к озеру. Недалеко от него найдены обломки желобчатых браслетов, шесть каменных наконечников стрел и кусочки бронзы.

В границах условных скоплений находки залежали попеременно и на разных глубинных отметках; металлические предметы в них попадались лежавшими на поверхности. Крупные скопления формировались постепенно. Вряд ли вещи просто выкладывали на поверхность; скорее всего, их размещали в мелкие углубления, вырытые в рыхлом грунте, в т.ч. между камнями, и присыпали землей. Многочисленные фрагменты керамики и отдельные каменные предметы маркируют дневную поверхность памятника.

Шайтаноозерский металл морфологически делится на три группы. К изделиям сейминско-турбинского типа относятся пластинчатые двулезвийные ножи без выделенного или со слабо намеченным черенком (рис. 4, 3–8; 5), ножи-скобеля и другие комбинированные орудия, сделанные на основе или из фрагментов подобных ножей (рис. 6, 46, 47, 49, 50). Пластинчатые ножи и изготовленные из них инструменты являются, как известно, одними из наиболее характерных и массовых находок в могильниках сейминско-турбинского типа и Канинском пещерном святилище [Черных, Кузьминых, 1989, табл. 8]. К изделиям этого типа в коллекции из Шайтанского Озера II условно может быть отнесен также один из кельтов, вернее его миниатюрная модель (рис. 7, 8). К группе орудий и оружия самусьско-кижировского типа [Там же, с. 144–162] принадлежат кельты с одним или двумя «ложными» ушками (рис. 7, 1, 2, 4, 11, 12; 8; 9), кинжал с отлом-

ленным навершием (судя по всему, кольцевым), плоской рукоятью, украшенной с обеих сторон заштрихованными треугольниками и ромбами, и пластинчатым клинком (см. рис. 4, 20; 10). К изделиям евразийского типа, характерным прежде всего для культур степного и лесостепного пояса Северной Евразии [Там же, с. 184, табл. 17], следует отнести двулезвийные кинжалы с прилитыми рукоятями, в т.ч. орнаментированными (см. рис. 4, 16, 17, 21; 10; 11), модели (?) прорезных рукоятей (см. рис. 4, 1, 2), ножи с перекрестьем и перехватом (см. рис. 4, 14, 15), кованое долотце (см. рис. 6, 51), наконечники копий и их фрагменты (см. рис. 6, 37–39), пластинчатые желобчатые браслеты и кольца (см. рис. 6, 42–45, 52–54). Среди предметов этой группы, особенно среди украшений, высока доля явных петровско-алакульских привезенных изделий. Некоторые находки, прежде всего втульчатые чеканы (см. рис. 7, 9, 10), трудно отнести к той или иной морфологической группе ввиду их уникальности.

В лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН изучен химический состав 88 образцов, т.е. большей части металлического инвентаря Шайтанского Озера II (анализы 49212–49299). Практически полностью исследованы орудия и оружие (за исключением мелких обломков ножей), достаточно много – заготовок, а также отходов плавки и литья. Вне анализа осталась серия тонких пластинчатых украшений; они будут изучены позже.

В коллекции намечается несколько металлургических (химико-металлургических) групп или же рецептов сплавов. Ее основу составляют оловянные бронзы – 68 образцов, или более 77 % от всей выборки. Концентрации олова в сплаве составляют от 0,8–1,0 до 10 %; большую часть предметов следует отнести к среднелегированным, с содержанием олова 3–8 %. Примерно у половины изделий (30 ед.) отмечается повышенное содержание (в десятых долях процента) цинка (21 ед.), свинца (4 ед.), мышьяка (1 ед.), иногда в различном сочетании

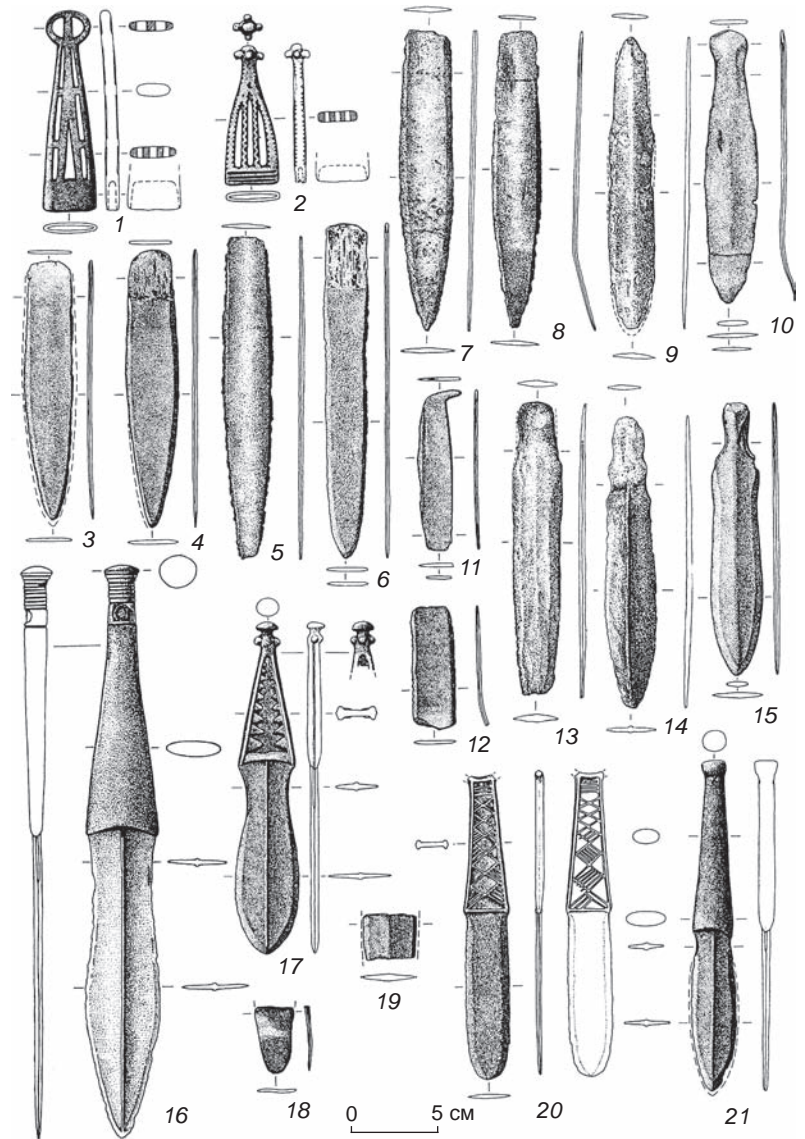

Рис. 4. Металлокомплекс (ножи, кинжалы, рукояти). Шайтанское Озеро II.

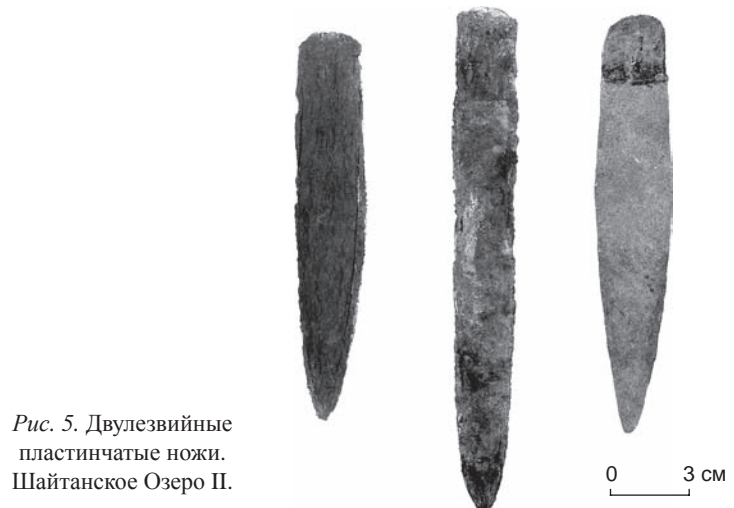

Рис. 5. Двулезвийные пластинчатые ножи. Шайтанское Озеро II.

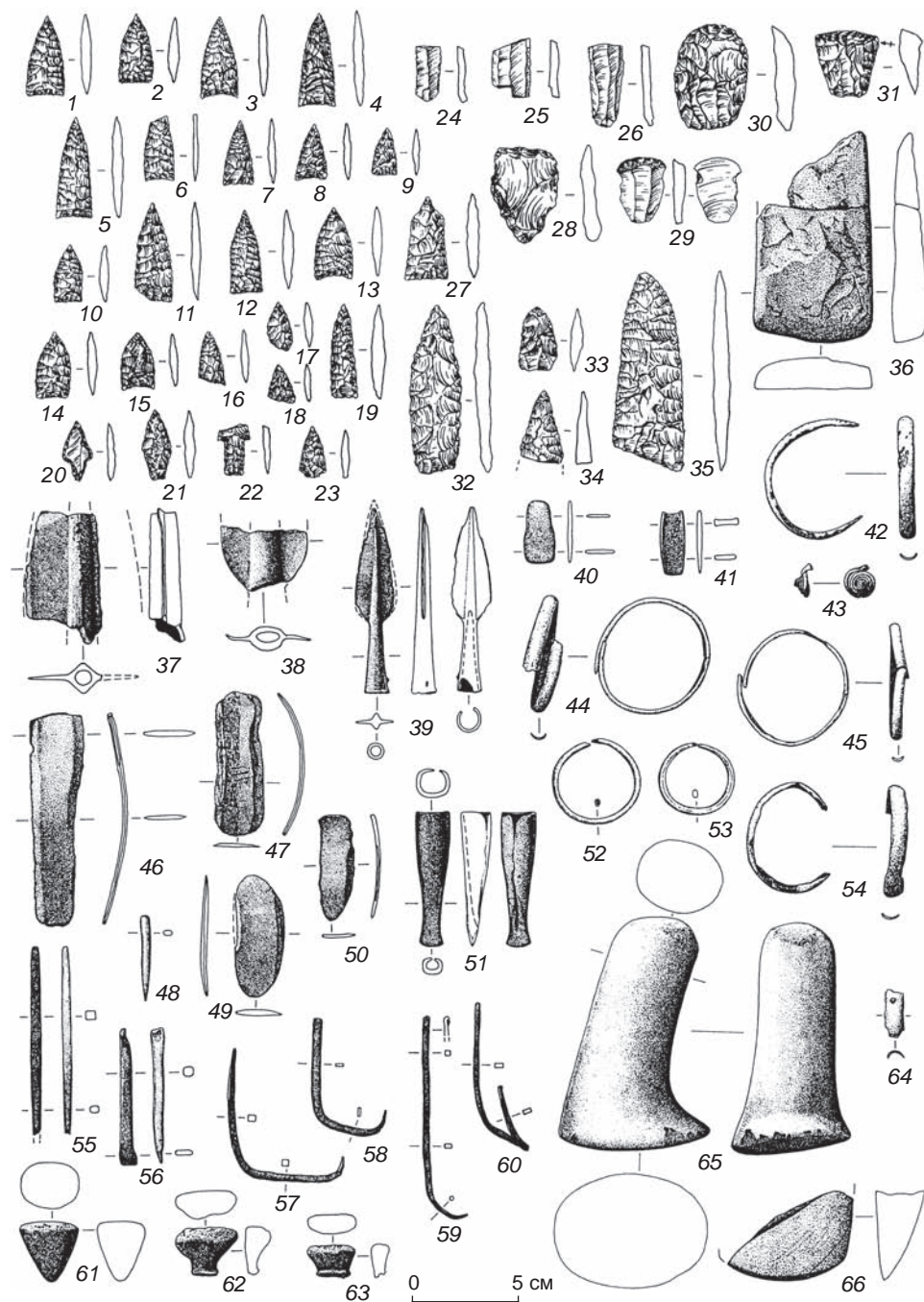

Рис. 6. Изделия из камня (1–36, 65, 66) и бронзы (37–64). Шайтанское Озеро II.

данных элементов (в т.ч. с сурьмой). Подобная насыщенность примесями объясняется или подмешиванием лома чужеродного по составу металла, или геохимическими особенностями меди, являвшейся основой этого сплава. К группе оловянных бронз условно могут быть отнесены еще два предмета: рукоять кинжала, отлитая из медно-оловянно-свинцового сплава (см. рис. 4, 20), и кельт (см. рис. 7, 12) из медно-оловянно-мышьякового сплава.

В коллекции Шайтанского Озера II невелика доля изделий из металлургически «чистой» меди – 17 ед., или менее 19 % от всей выборки. Всего три образца совершенно «чистых» – с содержанием микропримесей от сотых долей процента и менее. Остальные «загрязнены» примесями (в десятых долях процента) цинка (10 ед.) и олова (1 ед.), иногда в сочетании этих элементов, а также свинца и никеля. Лишь одним бесспорным образцом в исследованной серии представ-

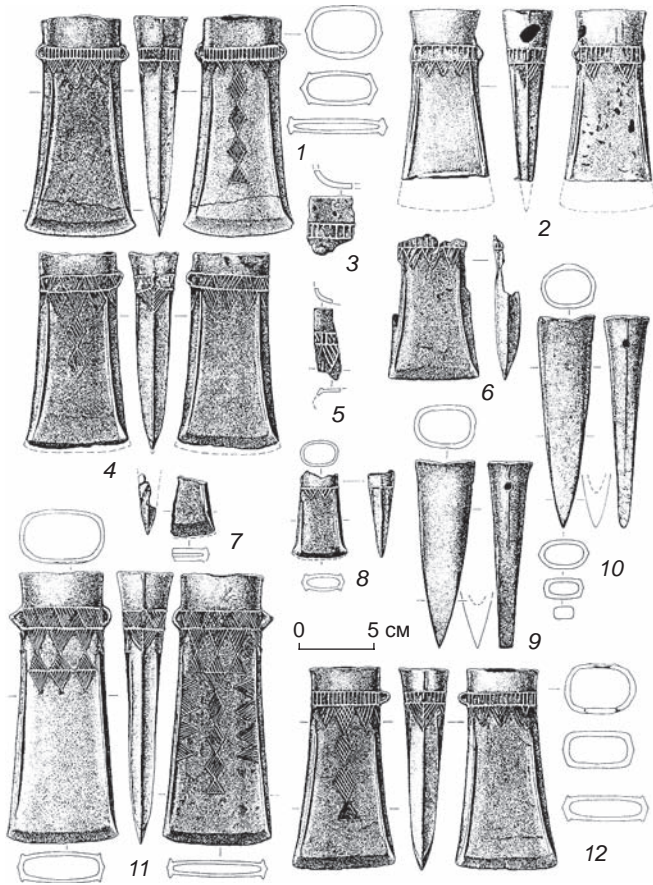

Рис. 7. Металлокомплекс (кельты, втульчатые чеканы).
Шайтанское Озеро II.

лены мышьяковые бронзы. Содержание мышьяка у наконечника копья (см. рис. 6, 39) достигает 2,16 %, у него же отмечена и несколько повышенная примесь цинка (0,43 %).

Преобладание в коллекции Шайтанского Озера II оловянных бронз, в т.ч. среди заготовок и сырья (слитки, потеки, сплески и др.), возможно, указывает на получение лигатуры, части металла и самих изделий из производящих центров андроновского мира.

Вещевой комплекс включает 195 каменных орудий, более сотни отщепов и 86 предметов неясного назначения (см. рис. 6). В коллекции преобладают наконечники стрел, дротиков и их заготовки – 121 ед. (основное сырье – разноокрашенные кремь и халцедон; рис. 12–14). По численности им значительно уступают скребки, изделия на пластинах, обломки шлифованных орудий. Небольшими сериями или единичными находками представлены отбойники, песты-терочники (один сапожковидный), точильные камни. Наконечники стрел, как правило, треугольной формы, с прямым, слегка вогнутым или скошенным основанием, тщательно обработанные плоской ретушью. Черешковых наконечников всего два. На вскрытой

Рис. 8. Кельты. Шайтанское Озеро II.

Рис. 9. Кельты. Шайтанское Озеро II.

Рис. 10. Кинжалы.
Шайтанское Озеро II.

Рис. 11. Кинжалы.
Шайтанское Озеро II.

Рис. 12. Каменные наконечники стрел. Шайтанское Озеро II.

Рис. 13. Каменные наконечники стрел. Шайтанское Озеро II.

Рис. 14. Изделия из камня. Шайтанское Озеро II.

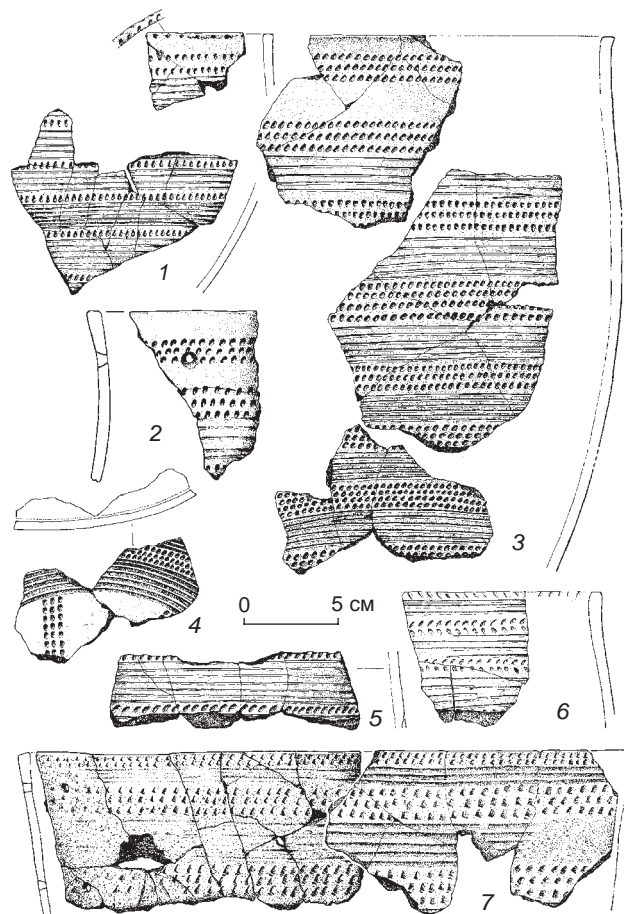

Рис. 15. Керамика. Шайтанское Озеро II.

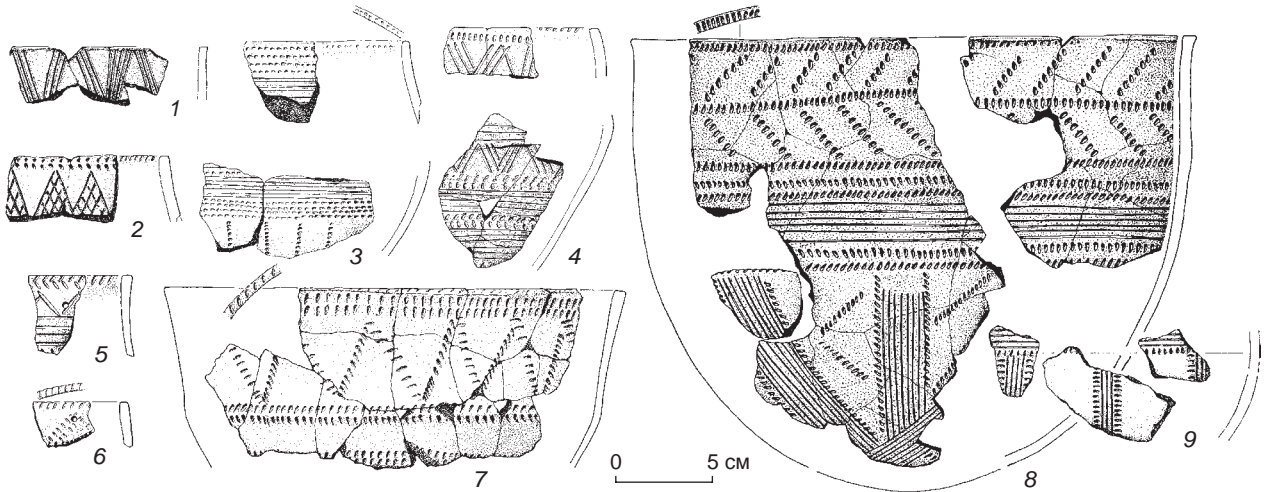

Рис. 16. Керамика. Шайтанское Озеро II.

площади не обнаружено следов изготовления орудий, оружия и украшений, но отмечены отдельные намеренно сломанные бронзовые и каменные предметы. По целому ряду признаков шайтаноозерский кремневый инвентарь демонстрирует сходство с материалами известных памятников сейминско-турбинского типа.

Бронзовые и каменные предметы в раскопах сопровождалась обломками (свыше 2 100 ед.) более чем 35 сосудов (рис. 15–18). Вся посуда изготовлена из глины с обильной примесью тальковой дресвы (уместно заметить, что среди находок было много кусочков талька). Шайтаноозерский керамический комплекс включает образцы, разнообразные по форме, размерам и манере декорирования. Его целостность подтверждается условиями залегания черепков в слое и углублениях, визуально фиксируемым сходством некоторых существенных технологических и морфологических признаков, а также аналогами в материалах других памятников, исследованных близ Екатеринбурга и под Тюменью. По своему облику посуда Шайтанского Озера II не в полной мере соответствует представлениям о керамике коптыковского типа, сложившимся при изучении находок с эпонимного памятника – селища Коптяки-5 [Сальников, 1964, с. 7–10; Хлобыстин, 1976, с. 55–58; Косарев, 1981, с. 77–80; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 25–30]. В шай-

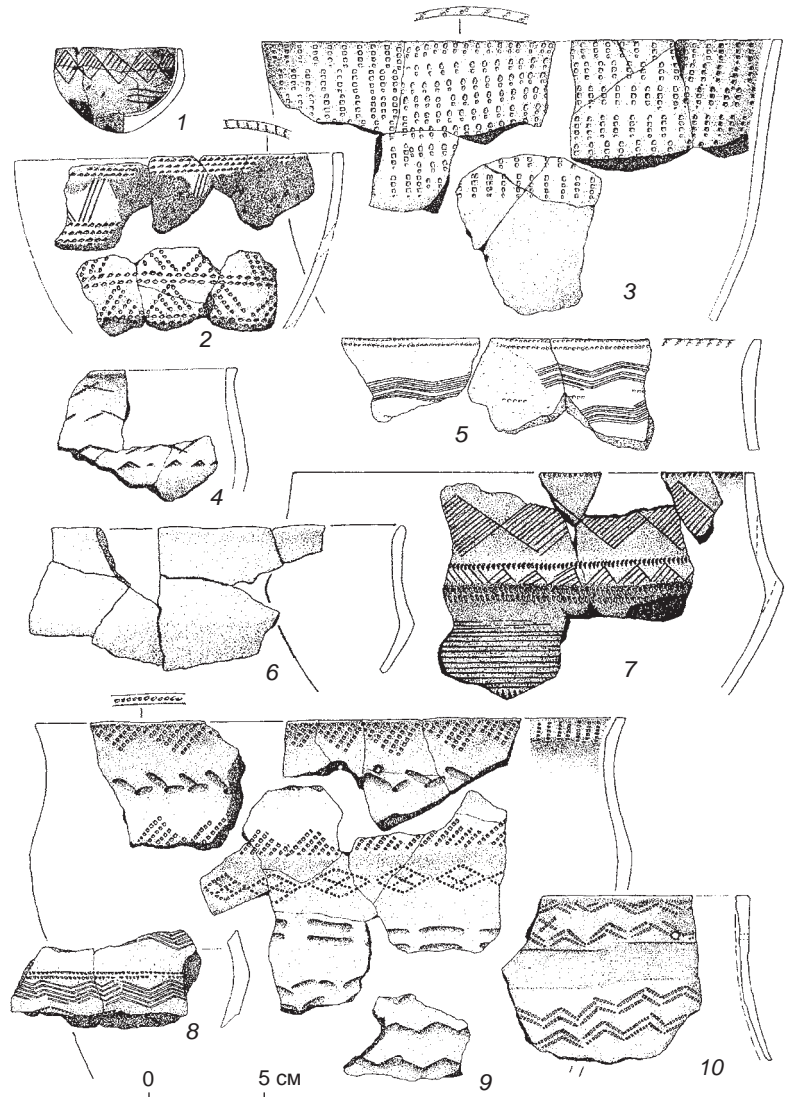

Рис. 17. Керамика. Шайтанское Озеро II.

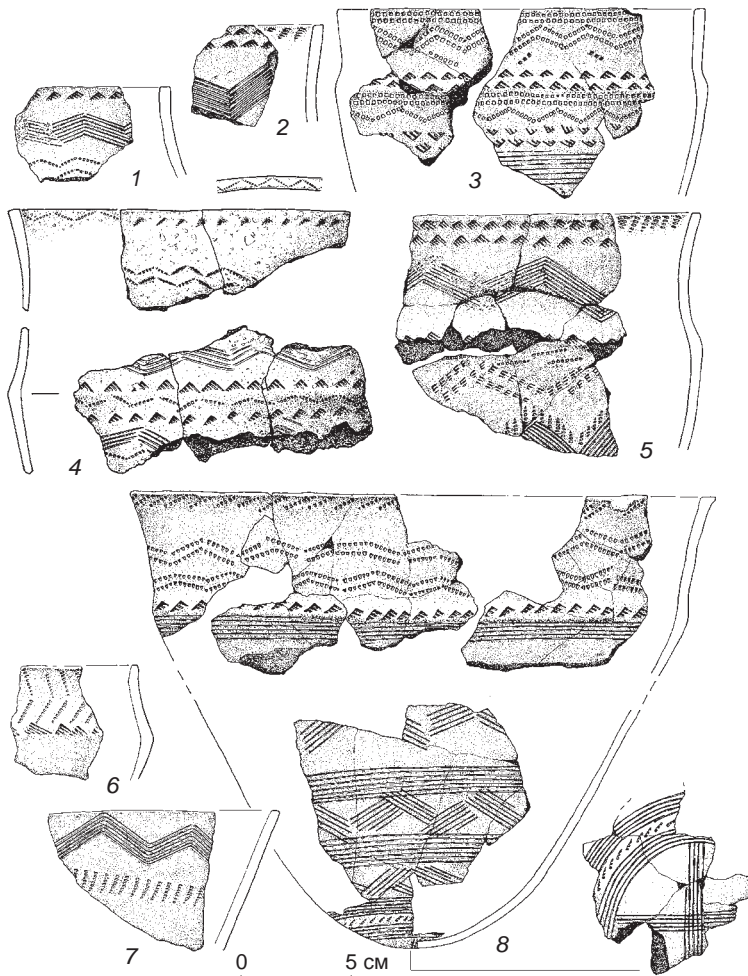

Рис. 18. Керамика. Шайтанское Озеро II.

таноозерской коллекции наряду с плоскодонными горшками присутствуют оригинальные сосуды баночных и горшковидных форм с округлым дном (см. рис. 15, 4; 16, 8; 18, 8), широко раскрытым устьем (см. рис. 16, 7; 18, 8), ребристым и плавно профилированным туловом. В ней немного сосудов, орнаментированных в технике печатной гребенки. В декоре скромно представлены геометрические узоры и совершенно отсутствуют меандровые мотивы, зато высок удельный вес прочерченных и желобчатых горизонтальных линий. Некоторые сосуды выглядят очень архаичными; без учета прочего вещевого инвентаря они вполне могут атрибутироваться как энеолитические. Даже на предварительной стадии изучения в керамическом комплексе, всесторонний анализ которого далек от завершения, можно обнаружить черты сходства с аборигенными энеолитическими древностями, трансформированные признаки андроновского гончарства раннеалакульского и алакульского типов, а некоторые детали вызывают очень неопределенные абашевские или, скорее, абашоидные ассоциации. Что касается

керамики эпонимного поселения Коптяки-5, то, рассуждая о степени близости (а она есть) к ней шайтаноозерской посуды, необходимо учитывать следующее: во-первых, собственно коптяковские материалы не документированы; во-вторых, хранящаяся в Свердловском областном краеведческом музее коллекция находок с этого памятника представляет собой непонятно как сформированную выборку; в-третьих, как нам кажется, Коптяки-5 – это более поздний памятник коптяковской культуры и, вероятно, не культовый.

Обсуждение результатов

Исследование культового комплекса Шайтанское Озеро II только начато, однако полученных результатов уже достаточно для отнесения памятника к уникальным, открывающим новые перспективы в изучении позднего бронзового века Северной Евразии и позволяющим предметно рассуждать о формировании Евразийской металлургической провинции и вовлеченности в нее населения горно-лесного Урала. Новые материалы раскрывают характер взаимодействия основных составляющих данного процесса – восточной (собственно сейминско-турбинская) и западной (евразийская). Следует подчеркнуть, что металлокомплекс Шайтанского Озера II соот-

ветствует сейминско-турбинскому металлокомплексу только отчасти. Из своеобразной триады бронзовых орудий и оружия сейминско-турбинских могильников – кельты, вильчатые наконечники копий и пластинчатые ножи – здесь представлены лишь последние. Среди образцов наконечников копий нет ни одного с вильчатым стержнем пера. Кельты, сохраняя основные морфологические черты (пропорции, ребра жесткости) и характерный декор (поясок-лесенка и свисающие от него треугольники и ромбы) сейминско-турбинских орудий, демонстрируют отступление от прежнего канона в оформлении ушек – все они «ложные». Последняя деталь, как известно, присуща кельтам кижировского типа [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 77, 7; 78; 79; 80, 1–6], которые наряду с безушковыми поясковыми кельтами самусьского типа [Там же, рис. 75, 4, 4, а; 76; 77, 1–5] относятся к диагностирующим категориям изделий самусьско-кижировской металлообработки. Ареал последней включает таежные пространства Западной и Восточной Сибири от Урала до Прибайкалья.

Частично исследованный в 2006–2007 гг. памятник определенно не является поселением. На вскрытой площади не обнаружено никаких объектов и иных свидетельств, позволяющих трактовать его как памятник производственной деятельности. Это не могильник, хотя в раскопе 2007 г. выявлены остатки одного младенческого захоронения. Местные почвы не способствуют сохранению органических материалов, однако очень трудно допустить абсолютно полное истлевание костных остатков, если бы таковые имелись на раскопанных участках. Подлежит обсуждению версия о совершении здесь символических погребений-кенотафов, но доказать ее на основе имеющихся материалов едва ли возможно. По мнению Ю.Б. Серикова, исследованные на берегу Шайтанского озера комплексы, скорее всего, представляют собой специальным образом укрытые предметы, использовавшиеся в ритуальных целях. Важная особенность описанных комплексов вещей – наличие большого количества остатков металлообработки; но отходы производства каменных орудий здесь не обнаружены. Предметы из камня интересующего нас времени изготовлены в основном из неместного сырья (кремень и халцедон светло- и темноокрашенных тонов) и разительно отличаются от каменного инвентаря зауральских культур неолита, энеолита и раннего железного века.

Значение открытия на Шайтанском озере определяется не обилием медных и бронзовых предметов, хотя средоточие в одном месте изделий столь великолепной сохранности само по себе уникально. Материалы памятника проясняют механизмы включения культур горно-лесного Урала в систему Евразийской металлургической провинции и раскрывают один из этапов взаимодействия восточного (собственно сейминско-турбинского) и западного (степного или евразийского) компонентов, приведшего к ее сложению.

Металлокомплекс памятника Шайтанское Озеро II, синкретичный в своей основе, отражает начальный этап формирования металлообработки самусьско-кижировского типа. Он объясняет также источники попадания в среду носителей коптяковской культуры изделий евразийских – петровско-алакульских – типов и их переработку местными мастерами. Не исключено, что ответные реплики из горно-лесных центров, подобных Шайтанскому Озеру II, попали в лесостепные культуры и представлены в памятниках Зауралья: Коркино [Чемякин, 2000, с. 30, рис. 13, 14], Степное [Зданович, Куприянова, 2007, рис. 1, 4, 5], Черняки [Стоколос, 1972, рис. 9, 8; 10, 12], Высокая Грива [Потемкина, 1985, с. 128, 129, рис. 48, 2]. Поступление металла в таежную зону Обь-Иртышского междуречья и становление местной позднебронзовой металлообработки, вероятнее всего, также связаны с деятельностью уральских центров. Примеры тому – материалы святилища Сайгатино VI [Кокшаров, Чемякин,

1991], могильника Товкуртлор-3 [Стефанов, 2006], поселений Пашкин Бор, Волвонча [Стефанова, Кокшаров, 1988; Кокшаров, Стефанова, 1993; Черных, Кузьминых, 1989, с. 144–157] и др.

В целом материалы памятника Шайтанское Озеро II подтверждают гипотезу Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989] об определяющей роли сейминско-турбинских традиций в формировании металлообработки позднебронзовых культур северной лесостепи и таежной зоны Урала и Западной Сибири. В свете новых открытий становятся более понятными особенности сложения металлокомплексов алакульской и андронидных культур и степень влияния на них сейминско-турбинских и самусьско-кижировских традиций металлообработки. С уверенностью можно говорить и о том, что начальная фаза становления традиций металлообработки самусьско-кижировского типа связана с территорией Среднего Урала и прилегающих районов Западной Сибири.

Другой важный вопрос касается исключительной редкости изделий из бронзы на поселениях бронзового века при наличии многочисленных свидетельств металлообработки (тигли, льячки, литейные формы). Если учесть, что на культовые места типа Шайтанского Озера II приносили не только целые предметы, но и лом, отходыковки и литья, то вряд ли отсутствие подобных артефактов в культурных слоях древних поселений должно нас удивлять.

Поскольку памятник не исчерпан раскопками, могут появиться новые аргументы в пользу той или иной версии. На наш взгляд, в настоящее время есть основания считать его культовым (или жертвенным) местом. Дальнейшее археологическое изучение памятника с привлечением специалистов самого различного профиля требует применения современных и оригинальных методик с целью извлечения максимально полной информации для его дальнейшей интерпретации. С учетом того, что объект находится в зоне меднорудных месторождений, актуальна постановка вопроса о возможной их связи с существовавшим здесь металлопроизводством коптяковской культуры. В числе первоочередных задач – реконструкция палеоприродной среды на основе данных почвоведения, палинологии, геоморфологии, установление источников поступления сырья для изготовления каменных орудий и др. Перспективны, но и очень сложны работы, связанные с поиском принципов организации сакрального пространства, определением особенностей ритуальной практики и мировоззренческих представлений населения, оставившего данный памятник [Сериков, 2007а, б]. Особого внимания заслуживает разработка проблем коптяковской археологической культуры, которая в свете новых открытий приобретает статус мощного образования, сложившегося на местной основе под влиянием

сейминско-турбинских и петровско-алакульских популяций. Остро стоит проблема абсолютной датировки памятника и установления хронологической позиции коптяковской культуры в системе культур бронзового века Евразийской металлургической провинции. Предварительная оценка керамики, каменного инвентаря, морфологии и химического состава металлических предметов позволяет сделать вывод, что существование культового места Шайтанское Озеро II относится ко времени начала формирования алакульской и срубной общностей и активизации северных связей степного населения.

Список литературы

- Викторова В.Д.** Коптяковская культура в горно-лесном Зауралье // Третьи Берсовские чтения: К 95-летию А.А. Берса и 90-летию Е.М. Берс: Мат-лы науч.-практич. конф. – Екатеринбург, 1999. – С. 49–54.
- Викторова В.Д.** Погребальные комплексы на острове Каменные Палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 4. – С. 95–107.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф.** Заосиновское VII поселение и проблема формирования культуры эпохи бронзы в Среднем Прикамье // Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола: Республ. полигр.-ред. объединение Госкомиздата Марийской ССР, 1991. – Вып. 19: Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. – С. 102–113.
- Зах В.И., Иванов С.Н.** Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Чепкуль-20 на севере Андреевской озерной системы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2006. – № 7. – С. 12–21.
- Зах В.И., Скочина С.Н.** Раскопки многослойного поселения Чепкуль-20 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2006. – № 7. – С. 231–234.
- Зданович Д.Г., Куприянова Е.В.** Из опыта исследования погребальных комплексов эпохи бронзы в Южном Зауралье: могильник Степное VII // XVII Уральское археологическое совещание: Мат-лы науч. конф. – Екатеринбург; Сургут, 2007. – С. 140–143.
- Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К.** Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Урал. издат. фирма «Наука», 1993. – С. 54–67. – (Вопр. археологии Урала; № 22).
- Кокшаров С.Ф., Чемякин Ю.П.** Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1991. – С. 43–52.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 287 с.
- Кузьминых С.В.** О металле эпохи бронзы поселения Палатки-1, -2 // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 4. – С. 108–113.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф.** Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). – Екатеринбург: Изд-во Ур. гос. ун-та, 1995. – 196 с.
- Панина С.Н.** Елизаветинский тип керамики. К постановке проблемы // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. – С. 29–44
- Потемкина Т.М.** Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.
- Сальников К.В.** Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // Вопросы археологии Урала. – 1964. – Вып. 6. – С. 5–23.
- Сериков Ю.Б.** Скальные культовые памятники Шайтанского озера // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007а. – С. 42–49.
- Сериков Ю.Б.** Культовые объекты и памятники как маркеры освоенного пространства (по материалам Среднего Зауралья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург; Сургут, 2007б. – С. 224–233.
- Скочина С.Н.** Результаты раскопок многослойного поселения Чепкуль-5 (предварительное сообщение) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2007. – № 8. – С. 231–234.
- Стефанов В.И.** Могильник Товкуртлор-3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // РА. – 2006. – № 1. – С. 44–58.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.** Андроновские древности Тюменского Притоболья. – Екатеринбург: Полиграфист, 2000. – 108 с.
- Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф.** Поселение бронзового века на р. Конде // СА. – 1988. – № 3. – С. 161–174.
- Стоколос В.С.** Культура населения бронзового века Южного Зауралья. – М.: Наука, 1972. – 168 с.
- Хлобыстин Л.П.** Поселение Липовая Курья. – Л.: Наука, 1976. – 65 с.
- Чаиркина Н.М.** Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 312 с.
- Чемякин Ю.П.** Коркино I // Уральская историческая энциклопедия. – 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург: Академкнига: УрО РАН, 2000. – С. 281–282.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В.** Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. – № 1. – 2002. – С. 5–23.

Материал поступил в редколлегию 30.12.08 г.